

О неodemократии

Современная демократия полагает, что всякий кризис—политический или экономический, как бы сложен и трагичен он не был, может найти наилучшее свое разрешение именно, исходя из принципов демократии и т. ск., предопределен ее ведению: свободное волеизъявление народа пробьет дорогу в том направлении, где надо!

Отчасти эта вера демократии в самое себя имеет основания. Действительно, любой политический кризис разрешается ею легче, чем какой либо другой системой: демократия эластична и легко пружинит там, где другие политические организмы ломают себе хребет; в частности кризис власти, который враги демократии ставят ей в первородный грех и который сама демократия частично признает, является как раз весьма мало страшным. —Демократия, когда надо, может быть властью очень сильной и действенной. Достаточно припомнить мировую войну, чтобы в общем и целом склониться скорее к властности демократии, чем к ее бессилию и неустранимой правительственной разболтанности: рухнули как раз все те государства, которые были построены не на принципах демократии и где «сильная власть» сомнений не возбуждала.

Еще раз признаем, что у демократии, накопившей громадные культурные традиции, есть очень много оснований полагаться на свои силы и верить в себя. Но в этой вере есть и своя серьезнейшая опасность слепоты; демократия не допускает мысли о том, что могут быть поражены ее дыхательные центры, что для выздоровления требуется длительное путешествие в другой климат. — Другой климат — значит чужой: все в нем находящееся—«по ту сторону!..». Фашизм соединяется знаком равенства с былыми монархиями и деспотиями; эти последние признаются полезным понимать в одной плоскости с коммунизмом; здесь круг замыкается — и в центре всего читается страшное слово — «реакция» — Демократия отшатывается в свяшенном ужасе и... и чем больше она старается усесться так,

чтобы не замочить своих риз, тем выше поднимается вода вокруг: едва-ли не половина культурного человечества подведомственна сейчас не демократии.

Требуется иной взгляд и иной подход во имя спасения тех ценностей, которые демократией созданы и в демократии неизбежно присутствуют — свобода и право. Но спасение их требует от демократии мощного заряда радикализма, если не революционизма, — ей должна быть влита **новая кровь**.

Прежде всего, надо отказаться от усыпляющей внимание привычки мазать все происходящее за ее бортом черной краской реакции и валить все в одну кучу. Общее у новых и старых диктатур только одно, а именно — попираание политических свобод; **на этом** сродство и кончается. Динамика новых диктатур — вся в революционном социологизме и в истоках своих движется высокой идеей социальной правды, тогда как старые монархии выдержаны в прямо противоположном. И не даром истинно реакционные партии, настроившиеся вначале к фашизму и гитлеризму с подогретыми надеждами, теперь, рассмотрев в чем дело, заняли позиции едва-ли более благосклонные, чем сама демократия. Действительно, в фашизме и особенно в гитлеризме (Гитлер, со своим расизмом, антисемитизмом и утробным развитием от реваншизма, является т. ск. дефективным родственником Муссолини) гулко раздается старая барабанная дробь, которая поначалу и окрыляет реакции: «национализм — значит мы!». Но ведь национализм это не есть какие либо конкретизации, данные отныне и навеки. Национализм это внутренняя духовная напряженность данной нации, точки же приложения его могут не только меняться, но и быть в разные отрезки истории диаметрально противоположными. И здесь центральный момент новых диктатур — хозяйственный передел государства, протекающий по линии сокращения гражданского права за счет публичного, поднимается на степень чистых, идеологических императивов и исторических задач, т.е., тем самым, становится ударной точкой национализма. Можно смело говорить о **неонационализме** — о **национализме** **приходящем слева**. Он преисполнен своего огромного пафоса и своей жертвенности, — бесполезно это отрицать в коммунизме, фашизме, или даже гитлеризме. И,

может быть, казарменный бой барабанов, отбивающих свое привычное; старое, не в малой степени способствует переключению одного вида энергии в другой, — безболезненному переводу старого национализма, со всеми его пафосами и напряжениями, на новые рельсы. Может быть будущие историки ему, этому барабану, многое простят!

Демократия должна понять, что хозяйственный передел, который становится властной стихией масс, есть своего рода бесконечное расширение пределов демократии: народы хотят взять в свои руки распорядительство государством во всем его целом — политическом и экономическом. Демократия, связавшая свою судьбу с капитализмом, даст только первое. Это не удовлетворяет и не привлекает. Массы слепо идут за вождами даже сомнительной ценности, если только они предлагают хозяйственное переустройство государства. Тут конечно, море демагогии сверху и океан слепоты снизу, но общий итог все-таки не в этом: каждый демократ должен честно сказать, что в мире, даже осененном всеми культурными принципами демократии, уж не так то хорошо живется, если массы из двух ценностей — личной свободы или собственного закабаления во имя хозяйственной революции — бросаются на второе. Демократия, оберегающая идею свободы, не должна терять чувства жизни и консервироваться на своих достижениях.

У коммунизма генеалогия, конечно, совсем другая, чем у фашизма, но мало отмсчается то обстоятельство, что русский большевизм со времени пятилетки вступил в совсем новый этап своего развития. Былые интернационалистические схемы, впитавшие в себя пафос революции времени военного коммунизма, незаметно переключились в плоскость хозяйственного, государственного строительства. Надо помнить, что нэп сам по себе никаких огней революции в себя не смог впитать, — это была задержка, передышка, — пафос бил в прежнюю точку: мировой пожар и все во имя мирового пожара! И только со времени напряженнейшего строительства пятилетки, можно сказать, что духовное напряжение ушло на другое. По существу, теперешний этап революции, по своей динамике, есть уже типично национал - коммунистический период. Барабан, как и в фашизме,

бьет на старый лад, на лад интернационала, но фокус всей духовной энергии направлен уже на что-то совсем иное. Можно с абсолютной уверенностью сказать, что этот новый, второй этап революции найдет и свои новые формы. Русский термидор все яснее выступает в тумане и в настоящее время большой роли уже сыграть не смогут побуждения коммунистов и коммунизма. Их роль почти позади. Надо помнить, что личные интересы, вкладывающиеся в динамический процесс теми или иными отдельными личностями или партиями — второстепенны: Наполеон все свои имперские завоевательные планы увез на остров Св. Елены и там тихо их схоронил, Франции же оставил свой гражданский кодекс. Наше время—эпоха пересмотра этого кодекса. Весь вопрос в том, с какими другими идеями будет связан этот хозяйственный передел, потому что политика — это перекресток нескольких идей...

В строках выше мы пытались набросать то, что демократии надо заметить, чтобы не стать политическим пережитком; — попробуем определить сейчас то, что с сугубым вниманием заметить надо всем хозяйственно - революционным течениям, чтобы в результате своих идеологических упоров в коллектив не превратить Человека в какого-то фашистского клоуна или социалистического робота.

Коллектив — в известном смысле пивеллировка, нечто среднее по качеству, — стихи и страсти, иногда мощные и испепеляющие, но никогда не глубинные. Творчество принадлежит только личности; отсюда и ее самоценность с прямым следствием — политическими свободами: неприкосновенность личности, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов...

Оговоримся относительно коллектива: мы не вкладываем в его определение пренебрежения. Личность анархо-атомизированная — миф и варварство: за коллективом остаются существеннейшие качества: 1) суммирование отдельных творчеств, 2) хранение их, и 3) широкое исполнение.

Если творчество и не рождается в коллективе, то оно во всяком случае в нем присутствует: такие коллективы, как нации,

играют роль духохранилиц, вне которых немислима и никакая отдельная личность. Между личностью и обществом, т. ск. диалектическое равноправие на основе разных психологических свойств. Этим мы хотим сказать, что идеи индивидуализма и коллективизма мы утверждаем в их синтезе.

Итак: политические свободы, как броня творческой и самоценной личности и второе — хозяйственное водительство государства, как равновесие между личностью и коллективом. Первое слишком ясно, чтобы к нему что - либо прибавлять; остановимся на втором.

В экономике две основные стороны: производство и распределение. И тут надо твердейшим образом помнить, что производство — творчество принадлежит природе личности. Распределение же — центром упирается в коллектив. Мы, исходя вообще из психологического разграничения природы личности и общества, продолжаем эту мысль в области хозяйственных отношений. Получается следующая картина:

Личность:	Общество:
Производство	Распределение
Капитализм == Творчество	+ порочность (посредничество и эксплуатация).
Социализм = Убожество	+ социальная правда.

Принцип хозяйственного водительства государства вытекает отсюда сам собою: соединение индивидуальной свободы творчества (производства) с государственным планированием. В виде возражения обычно указывается, что, собственно, капитализм давно уже стал в подчинение государственной регламентации, что везде имеется какое-то планирование... На это возражение возразим: планирование в современном капитализме — паллиатив, не только не уничтожающий анархии производства, но наоборот, доводящий до пределов его пороки: оно — планирование уничтожает напр. в капитализме ту хорошую черту, которая крайне смягчала его вредоносные свойства — конкуренцию. Вообще же мы охотно согласимся, с тем заключением, что капитализм попадает под пресс государства, — вопрос — в ка-